

Меметизация реальности как попытка деконфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема

О. В. Сапунова¹, Г. В. Денисова²

^{1,2}МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹sapunovaov@my.msu.ru,

²denissovagv@my.msu.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить механизм создания серии мемов и классифицировать виды мемов, составляющих серию, в зависимости от принципа их создания. В статье вводится понятие серийного мема и предпринимается попытка определить причины его возникновения, описать структурную модель и проследить фазы его существования. Предлагается ввести понятие нулевого мема – исходного экземпляра, вариации которого приводят к возникновению серии данного мема, что обуславливает его вирусную природу. На материале четырех серийных мемов производится их деконструкция и качественный контент-анализ для выявления метасемы нулевого мема и концептуального ядра серии. Авторы приходят к выводу, что причиной появления нулевого мема является карнавализация реальности, однако впоследствии в результате многочисленных вариаций метасема утрачивается. Этот феномен особенно четко прослеживается в пародиях на мем, результатах стилизации нулевого мема и его амальгамации с другими мемами.

Ключевые слова: карнавализация, нулевой мем, серийный мем, серия мема, деконструкция мема, метасема, концептуальное ядро мема, пародия на мем, амальгамация мемов

Для цитирования: Сапунова О. В., Денисова Г. В. Меметизация реальности как попытка деконфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 79–89

Original article

Memetization of Reality as a Means of its Deconflicting: a Linguistic and Cultural View on the Deconstruction of a Serial Meme

Olga V. Sapunova¹, Galina V. Denisova²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹sapunovaov@my.msu.ru,

²denissovagv@my.msu.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the mechanism of creating a serial meme and classify their types, depending on the principle of their creation. The article introduces the concept of serial meme and outlines the reasons for its inventing. It also describes the structural model of a serial meme and traces the phases of its existence. The authors introduce the concept of a zero meme, which is an initial version of a meme, whose altering lead to creating a range of related memes (a meme series). Thus, a viral nature of this genre is exhibited. The authors undertake the method of meme deconstruction and conduct a qualitative content analysis to boil down four serial memes to their meta seme and extract the conceptual core of the series. The authors conclude that carnivalization of reality underlies the process of zero meme creation. However, numerous variations of a zero meme

lead to the loss of its meta seme. This phenomenon can be observed in parodies of a meme, samples of meme stylisation and the amalgamation of memes.

Keywords: carnivalisation, zero meme, serial meme, meme series, meme deconstruction, meta seme, meme conceptual core, parody of a meme, meme amalgamation

For citation: Sapunova, O. V., Denissova, G. V. (2025). Memetization of Reality as a Means of its Deconflicting: a Linguistic and Cultural View on the Deconstruction of a Serial Meme. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(903), 79–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Интернет-коммуникация сегодня является наиболее перспективной и актуальной областью изучения коммуникативных процессов, формирующихся в новых экстра- и интралингвистических условиях. Изучение интернет-коммуникации является востребованным еще и потому, что цифровая революция коренным образом отразилась на языке, который, приспосабливаясь к новым условиям, необратимо трансформируется и обновляется. Новые цифровые факторы интернета, такие как мультимедийность, нелинейность, модульность, гипертекстуальность, высвобождают, в первую очередь, креативный потенциал интернет-коммуникации и приводят к модернизации традиционных, уже известных и изученных форм коммуникации в целом. Иными словами, интернет-среда стала своеобразной лабораторией, производящей коммуникативный эксперимент, результаты которого необходимо наблюдать и анализировать [Иванова, Клушина, 2021].

Текст, создаваемый в современном информационном обществе и осуществляющий коммуникативное воздействие на реципиента, является сложным единством слова и визуального образа, соединяющим рациональное начало и эмоционально-чувственные оценки; в то же время он представляется комплексным культурно-специфическим поликодовым феноменом. Именно поликодовый формат современного коммуникативного пространства часто создает семантический контраст между вербальным и визуальным элементами, и – более того – обуславливает особый модус восприятия и интерпретации сообщения, т. е. фактически осуществляет рефрейминг за счет расширения или сужения прежнего фрейма на основе создания нового контекста восприятия.

Современное коммуникативное пространство поликультурно, следовательно, тексты, которые мы создаем и воспринимаем, сообщения, которыми мы обмениваемся, интегрируют множество кодов – культурных, идеологических [Гусейнова, Горожанов, 2023; Guseynova, Gorozhanov, 2024], лингвистических, семантических, стилистических,

графических. Этот факт определяет особенности восприятия и интерпретации поликодового текста [Денисова, Смирнова, Сапунова, 2023; Денисова, Гладкова, Сапунова, 2024], а также свидетельствуют о жанровой гибридизации: предпосылками исчезновения одних жанров и формирования новых форм в результате гибридизации являются текущие запросы общества [Гусейнова, Косиченко, 2024]. Наиболее ярким примером подобной креолизованности можно считать мем, сочетающий в себе вербальные и визуальные коды различной этимологии, в том числе культурные. Скорость появления и распространения мемов свидетельствует о значимой роли этого жанра в современной медиакommunikации. Однако механизмы появления мемов остаются малоизученными, что определяет актуальность настоящего исследования.

Новизна данного исследования состоит в анализе трансформации существующего мема и создания его вариантов, а также попытке классификации способов подобной трансформации, что приближает нас к пониманию феномена вирусности. Практическую значимость исследования составляет разработка терминологической системы и выявление типов мемов, что уточняет место данного жанра в интернет-пространстве и медиакommunikации.

Материалом исследования послужили четыре мема и их варианты (общее количество проанализированного материала составляет 126 мемов), собранные в период с июля 2024 года по январь 2025 года в русскоязычном секторе интернет-пространства. Время создания мемов и их вариаций не были ограничены временными рамками.

Первой задачей было выделение существующих способов трансформации мема с целью создания его вариаций. Для этого был проведен качественный контент-анализ исходных мемов, а также качественный контент-анализ их вариаций, в ходе которого оценивались следующие критерии:

- 1) визуальный компонент:
 - персонаж(и);
 - ключевая фигура;
 - композиция (взаимодействие персонажей, фон, центр композиции);

- 2) вербальный компонент:
 - грамматическая правильность;
 - орфографическая правильность;
 - наличие тропов и фигур речи;
 - (только для мемов, составляющих серию мема) повтор слова или фразы из нулевого мема;
- 3) контекст, т. е. ситуация, представленная в меме;
- 4) метасема (для нулевых мемов) / сема (для мемов, составляющих серию мема), т. е. гипотетическая ситуация, спровоцировавшая реакцию автора мема.

Для обеспечения валидности результатов качественного контент-анализа и сопоставительный анализ проводился тремя независимыми экспертами. Результаты экспертиз сравнивались; каждый выявленный случай расхождения интерпретаций обсуждался экспертами для обеспечения консенсусного решения.

Второй задачей была разработка классификации видов мемов, созданных путем трансформации существующего мема. Для этого была проведена деконструкция мемов; за основу метода был взят механизм, представленный М. А. Кронгаузом [Кронгауз, 2012] и доработанный авторами данного исследования.

Третьей задачей было выявление механизма, обеспечивающего вирусность мема и положенного в основу его серийности. На этом этапе для каждой из серий проводилось сопоставление результатов качественного контент-анализа: данные вариаций мемов сопоставлялись друг с другом и с исходным мемом с целью выявления общих семиотических элементов.

РАЗРАБОТКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

М. А. Кронгауз указывает, что первым появившимся мемом была надпись «йа криветко», появившаяся на парте после излишне усложненной лекции по физике [Кронгауз, 2012]. Ключевой особенностью этого протомема стала абсурдность, реализованная через неуместное сравнение (студент и креветка) и намеренное искажение лексико-грамматического строя языка. Изначальный мем, – который в рамках настоящей работы предлагается назвать **нулевым мемом**, – «йа криветко» был реакцией на проблему автора (непонятную и чрезвычайно утомительную лекцию) и попыткой выразить его позицию на данную проблему (отчаяние). В дальнейшем мем получил распространение (изъясняясь в терминах интернет-пространства, стал вирусным контентом): воспроизводилось лексико-грамматическое искажение (формулировки при этом разнились), а

также идея неспособности понять что-то из-за его чрезмерно усложненной подачи и вызванное этим отчаяние.

Как отмечают исследователи, мем представляет собой конгломерат трех составляющих: визуального, вербального и идеологического компонентов [Shifman, 2013]. Нулевой мем получает дальнейшее распространение за счет варьирования визуального и / или вербального компонентов, однако изначальный посыл – идеологический компонент – сохраняется и остается неизменным. В случае с мемом «йа криветко» в вариациях нулевого мема контексты были самые разнообразные – у разных авторов возникали трудности разного рода – однако идея отчаяния, вызванного чрезмерной усложненностью, неизменно транслировалась. В рамках настоящего исследования предлагается терминологизировать идеологический компонент нулевого мема, назвав его **метасемой**. Кроме того, различные реализации нулевого мема, создаваемые за счет варьирования визуального и / или вербального компонента, являются реакцией на разные ситуации и описывают различные контексты, но при этом безошибочно возводятся к нулевому мему; предлагается назвать их **серией** того или иного **мема**, а этот нулевой мем – **серийным**. Визуальные и вербальные компоненты нулевого мема, неизменно воспроизводимые в дальнейших вариациях наряду с метасемой и обеспечивающих его узнаваемость, предлагается назвать **концептуальным ядром мема**; оно может быть вычленено в ходе контент-анализа серии мема.

Этимологически мем является реакцией на коммуникативную неудачу; дальнейшие вариации нулевого мема, реализованные за счет варьирования визуального и / или вербального компонентов, также сигнализировали о коммуникативном сбое и отражали позицию коллективного автора (фактически, общественную реакцию) на острый вопрос или актуальную ситуацию. Приемы, использованные в первом меме и определившие дальнейшее развитие данного жанра, – абсурд и намеренное искажение языка – неизменно приводят нас к **карнавализации**, описанной М. М. Бахтиным [Бахтин, 1990; Гуревич, 1984]. Карнавализация как механизм низведения страшного посредством его высмеивания, гиперболизации и доведения до гротеска с целью осмысления и принятия лежит в основе меметизации. Г. В. Денисова отмечает, что жанр интернет-мема является реакцией на актуальные события трех типов: 1) использование мема в предвыборной коммуникации; 2) использование мема как инструмента социального протеста; 3) использование мема в качестве инструмента «сопровождения» значительных событий [Денисова, Сапунова, 2024, с. 84; Exploring visual culture of COVID-19 memes, 2021].

Рис. 1. Нулевой мем «Карл»

Рис. 2. Вариация мема «Карл»

ТИПЫ СЕРИЙНЫХ МЕМОВ

Одним из наиболее распространенных нулевых мемов является серийный мем «Карл» (например, рис. 1–2): визуальный компонент – фильмоном из популярного сериала «Ходячие мертвецы» – остается неизменным, в то время как вербальная составляющая (являющаяся цитатой из изображаемой сцены названного сериала) меняется, но непременно содержит лексический повтор ключевого слова, обращение «Карл» и определенную синтаксическую структуру:

«Предложение с ключевым словом» + «Ключевое слово» + «Карл!»

Отметим, что визуальный компонент не несет дополнительной семиотической нагрузки, но обеспечивает узнаваемость мема. Метасемой, объединяющей все вариации данного мема (выделяемой наряду с семьей каждой конкретной реализации нулевого мема) является подчеркивание абсурдности или противоречивости описываемой ситуации. Таким образом, концептуальным ядром данного мема является устойчиво воспроизводимый визуальный компонент, ригидная вербальная структура и метасема; варьируются вербальный компонент и контекст.

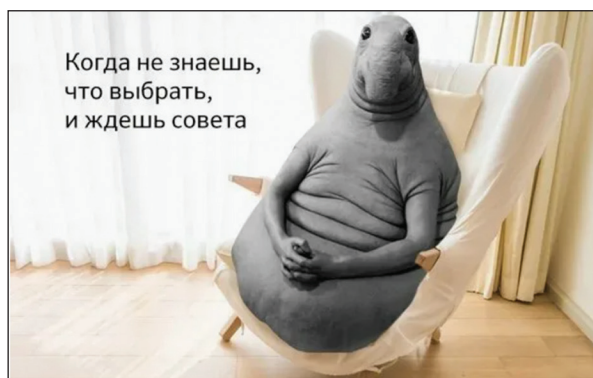

Рис. 3. Нулевой мем «Ждун»

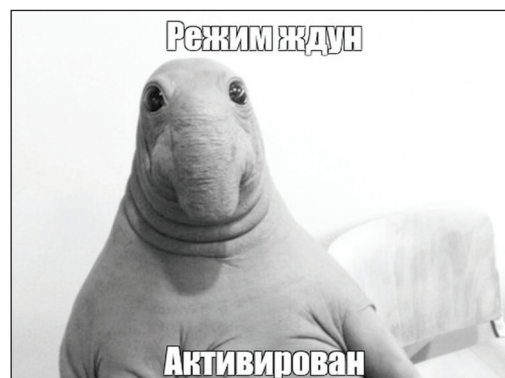

Рис. 4. Вариация мема «Ждун»

Большей вариативностью отличается серийный мем «Ждун» (например, рис. 3 и рис. 4): визуальный компонент мемов данной серии обязательно включает заглавного героя, который предстает на разном фоне и с разнообразными аксессуарами; вербальная составляющая не ограничена дополнительными условиями и не имеет однозначной ассоциации с изображаемым героем. Метасема данной серии мемов является готовность ожидания в неоднозначной, априори безысходной ситуации, имеющей мало шансов на успешное разрешение. Таким образом, концептуальным ядром серии мемов, объединенных героем, известным как Ждун, является ключевой образ (часть визуальной составляющей) и метасема. Вирусная природа мема в данном случае обеспечивается ключевым героем (но не визуальным компонентом целиком).

ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ СЕРИИ МЕМА

Гораздо более сложной задачей представляется деконструкция серии мемов «Наташ, вставай», поскольку при широчайшей вариативности визуального и вербального компонентов, обеспечивается распознаваемость нулевого мема, что автоматически причисляет конкретный мем к серии «Наташ, вставай». История данного мема уникальна еще и потому, что нулевых мема, фактически, два.

Первый нулевой мем представляет собой пятипанельный постер, состоящий из одной и той же фотографии разного масштаба и с разным кадрированием. Героями являются два кота и девушка, к которой они якобы обращаются по имени Наташа; коты – один из которых кажется недовольным и осуждающим – сидят на постели девушки, закрываящей лицо одеялом. Сопоставление визуального и вербального компонента позволяет интерпретировать контекст как настойчивую попытку котов разбудить хозяйку ранним утром с требованием покормить их и сообщением о том, что они устроили беспорядок. Лицо девушки выражает притворный испуг, поскольку коты выражают явное недовольство ею и выглядят суровыми и рассерженными.

Второй нулевой мем имеет иную композицию: героиня становится закадровым персонажем, с ее точки зрения показаны четыре кота, обступившие ее по кругу. От первого нулевого мема сохранилась большая часть вербального компонента: «Наташ, ты спишь?», «Уже (ранний час) часов утра, Наташ», «Вставай, мы там всё уронили» и «Мы уронили вообще всё, Наташ, честно». Во втором нулевом меме коты по-прежнему рано утром будят хозяйку и выражают свое недовольство ею; здесь нет требования котов покормить их, но сохраняется запрос решить проблемы, которые они создали.

Метасемой обоих нулевых мемов, таким образом, является недовольство персонажей героиней и нарушение ее личных границ в своих корыстных целях.

Анализ выборки показал, что визуальный компонент является узнаваемым, если повторяет композицию второго нулевого мема: персонажи обступают закадровую героиню, вид дан с точки зрения героини (17 мемов из 31). Доказательством этого утверждения являются (рис. 5–6): лишенные вербального компонента, они без усилий возводятся к нулевому мему.

Рис. 5–6. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 7. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 8–9. Вариация мема «Наташ, вставай»

При этом неважно, являются ли изображенные персонажи котами (как во втором нулевом меме), львами (например, рис. 7), собаками (рис. 8), голубями (рис. 9), людьми (рис. 10), воображаемыми существами (рис. 11), а также их количество (рис. 6, 8).

Отметим, однако, что именно коты являются непосредственными персонажами мема в 20 случаях из 31, упоминаются еще в 3 мемах (рис. 8–9, 12) и представляются в трансформированном виде еще в 2 мемах (рис. 7, 11). Во всех представленных мемах транслируется идея диалогичности: персонажи обращаются к закадровой героине или – реже – изображены обращенными в ее сторону, но еще не инициировавшими разговор (рис. 5–6).

В мемах, где за основу бралась композиция первого серийного мема, узнаваемость была обеспечена визуальным компонентом только одним случае – когда представлены спящая героиня и пытающийся разбудить ее кот (рис. 13), поскольку точно воспроизведен контекст нулевого мема. Если героиня не изображена на меме, а является закадровым собеседником (например, рис. 7–12), визуальный компонент не позволяет возвести тот или иной мем к нулевым мемам «Наташ, вставай». При этом во всех мемах подразумевается диалогичность: персонажи обращаются к закадровой

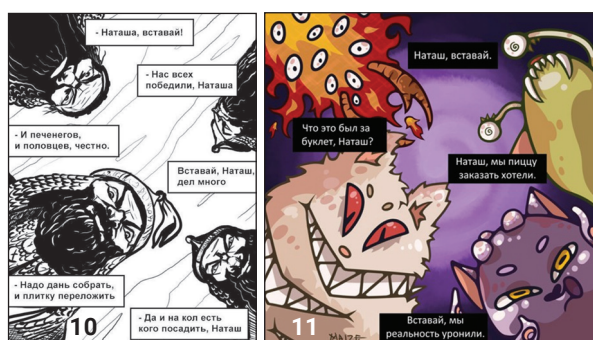

Рис. 10–11. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 12–13. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 14. Вариация мема «Наташ, вставай»

героине или – в единичных случаях – персонажи ведут диалог между собой (рис. 14 – кот взаимодействует со снеговиком, которого принимает за героиню; рис. 15 – совы обращаются к котам, упоминая Наташу; рис. 13 – представлено взаимодействие кота и фигуры, изображающей спящую девушку).

Варьирование вербальной выборки представляется менее широким: в некоторых случаях в модель второго нулевого мема подставляется несколько фраз, конкретизирующих контекст, при том, что исходная структура сохраняется (например, рис. 16). В других случаях сохраняются только отдельные фразы из первого и/или второго мемов (например, рис. 9–10). (Смесь вербального компонента первого и второго нулевого мемов: в первом нулевом меме в заключительной фразе коты требуют их покормить, фраза заканчивается междометием «ну», см. рис. 17.) Однако сопоставительный анализ вербального компонента показал, что в 30 из 31 случая (т. е. за исключением мема, лишённого вербального компонента) от нулевых мемов сохраняется имя героини: в звательном падеже в краткой и / или полной форме, в редких случаях персонажи апеллируют к ней, поскольку она является не закадровым, а упоминаемым персонажем (рис. 15).

В 27 случаях из 31 (кроме рис. 5, 9, 13, 15) изображенные персонажи обращаются к закадровой героине, чтобы сообщить ей новости и / или побудить к действиям. Интересно, что контекст нулевых мемов (персонажи будят героиню) сохранился только в 15 из 31 случаев, следовательно, перестал быть ядерной характеристикой.

В 14 из 31 случая исходных контекст нулевых мемов (коты будят Наташу) не вводится; персонажи просто обращаются к закадровой героине или упоминают ее (рис. 15). Более того, некоторые мемы (рис. 8–9, 15, 17) являются своего рода «сиквелами»: исходный контекст обыгрывается путем представления реакции героини на поведение котов (рис. 16–17) либо новые персонажи упоминают персонажей других вариаций мема, обращаясь к героине (рис. 8–9). Таким образом, исходный контекст не входит в универсальное концептуальное ядро мема.

В 21 меме из 31 персонажи выражают недовольство героиней или выдвигают претензии (кроме мемов рис. 5–8, 12–13, 15, 17–19). Следовательно, исходная сема – недовольство персонажей героиней – представляется важной, но не ядерной характеристикой мема.

Таким образом, концептуальным ядром мема «Наташ, вставай» является диалогичность и включение в вербальный компонент имени Наташа. Значимыми, но варьируемыми характеристиками является композиция и структура вербального компонента.

ФАЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЕРИЙНОГО МЕМА

Нулевые мемы «Наташ, вставай» появились как изображение знакомой многим ситуации, но не являлись реакцией на какой-либо общественный процесс или острый вопрос. Только 9 мемов из 31 являются реакцией на актуальные события (например, рис. 9, 16, 18). Появление большинства вариаций данного мема обусловлено внутренней формой самого мема (например, рис. 9 воспроизводит композицию второго нулевого мема, рис. 13 – контекст первого нулевого мема).

Аналогичная ситуация наблюдается в серии мема «Красивое». Семой нулевого мема является реакция на абсурдность ситуации: рыбу на рынке не продают, а показывают. Качественный контент-анализ серии мема показал, что концептуальным ядром мема является нарушение лексико-грамматической правильности образования множественного числа существительного. Выявлены разные типы модификации нулевого мема:

Рис. 15–16. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 17–18. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 19. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 20. Вариация мема «Красивое»

Рис. 21. Вариация мема «Красивое»

Рис. 22. Вариация мема «Красивое»

Рис. 23. Вариация мема «Красивое»

- 1) модификация вербального компонента для передачи контекста, сохранение метасемы (рис. 20);
- 2) модификация визуального и вербального компонента, где при изолированном рассмотрении визуальный компонент не обеспечивает передачи контекста, а вербальный компонент обеспечивает передачу контекста, сохранение метасемы (рис. 21);
- 3) воспроизведение отдельных элементов визуального и / или вербального компонентов, отсутствие метасемы (рис. 22);
- 4) намеренная стилизация визуального и / или вербального компонентов без проблематизации контекста, отсутствие метасемы (рис. 23–24).

Третья и четвертая вариации не являются реакцией на абсурдную, но безысходную ситуацию либо на другой проблемный контекст, и, следовательно, не сохраняют сему нулевого мема. Это скорее «самовоспроизводящийся» мем, созданный исходя исключительно из формальных критериев. В рамках данного исследования предлагается введение термина *пародия на мем*, подразумевающего вариацию нулевого мема, в которой частично воспроизводятся элементы вербального и / или визуального компонентов, но исчезает исходная сема, поскольку данная вариация мема не является реакцией на проблематичную ситуацию. Анализ показал, что 21 мем из 30 в серии мема «Красивое» является пародией.

Интересны случаи *амальгамации мемов* «Наташ, вставай» и «Красивое» (рис. 26–27). Оба мема сохраняют визуальный компонент мема «Наташ, вставай» (учитывая, что персонажами мема «Красивое» также являются коты, можем говорить о совмещении визуальных компонентов мемов); вербальная составляющая также обнаруживает наиболее типичные особенности обоих мемов: структуру и диалогичность мема «Наташ, вставай», с одной стороны, и характерные для мема «Красивое» лексико-грамматические нарушения, с другой. (Мем на рис. 26 совмещает структуры обоих мемов, завершаясь прилагательным среднего рода, не согласующимся с предметом речи.) Отметим, однако, что в обоих случаях метасема мема «Наташ, вставай» сохраняется лишь частично: коты будят героиню чтобы сообщить информацию, но не проявляют недовольства ею; метасема мема «Красивое» не реализована вовсе: мемы не представляют реакции на противоречивую, нелепую ситуацию. Оба мема обыгрывают формальные особенности нулевых мемов и не являются реакцией на проблемную ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мем возникает как реакция на проблемную ситуацию или актуальное событие, меметизируются наиболее острые процессы, которые осмысляются посредством карнавализации. Подобное средневековому ритуальному высмеиванию, стремление к меметизации реальности является механизмом преодоления тревожности и примирения со сложившимися обстоятельствами. Сказанное обуславливает необходимость применения к изучению мемов социокогнитивного подхода современной генристики, с точки зрения которого тексты разных жанров создаются с опорой на усвоенные в процессе социального опыта поведенческие модели [Тарасова, 2018].

Серийность мема может обеспечиваться за счет более или менее значительных модификаций вербального и / или визуального компонентов и вариации контекста. Узнаваемость мема и возможность его возведения к нулевому мему обеспечивается за счет концептуального ядра, в состав которого может входить визуальный компонент (или его элементы), вербальный компонент (или его элементы), метасема.

Серийность мема проходит ряд этапов: 1) частичная модификация вербального или визуального компонента при сохранении другой составляющей, изменение контекста, сохранение семы; 2) значительная трансформация вербального и / или визуального компонента, изменение контекста, сохранение / изменение семы; 3) возникновение пародий на мем, в которых от нулевого мема сохраняется только концептуальное ядро; 4) амальгамация мема с другим мемом, при которой воспроизводятся ключевые визуальные и / или вербальные особенности обоих мемов, но могут быть утрачено концептуальное ядро одного из них. При этом основными в серийном меме является *регулятивная функция*, формирующая отношение к тем или иным событиям, и *ценностная функция*, реализация которой связана с активизацией мифологического мышления [Гусейнова, Косиченко, 2024]. Серийные мемы, обладающие повышенной вирусностью, имеют значительный манипулятивный потенциал, так как усиливают воздействие соответствующего мифа.

Парадоксальность природы мема заключается в том, что широкая распространенность того или иного мема обеспечивает его вирусную природу (воспроизведение усвоенной в результате социального опыта модели), но справедливо и обратное: вирусная природа мема обуславливает высокую креативность (создание новых мемов с опорой на предшествующий опыт), что лежит в основе серийности.

Рис. 24. Вариация мема «Красивое»

Рис. 25. Вариация мема «Красивое»

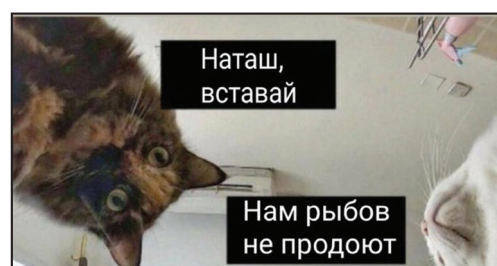

Рис. 26. Вариация мема «Красивое»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации: коллективная монография. М.: Флинта, 2021. С. 75–84.
2. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16 (6). С. 911–920.
3. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23 (4). P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Денисова Г. В., Смирнова О. В., Сапунова О. В. Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. Вып. 6. С. 43–48.
5. Денисова Г. В., Гладкова А. А., Сапунова О. В. Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15 (2). С. 123–134.
6. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. Казань: Бук, 2024.
7. Кронгауз М. А. Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. Вып. 11. С. 127–132.
8. Shifman L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. Vol. 18. P. 362–377.
9. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
11. Денисова Г. В., Сапунова О. В. Искусство слова в Московском университете. К 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: БОС, 2024.
12. Exploring visual culture of COVID-19 memes: Russian and Chinese perspectives / O. V. Smirnova et al. // Central European journal of communication. 2021. Vol. 3 (30). P. 66–93.
13. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. Вып. 2 (18). С. 88–95.

REFERENCES

1. Ivanova, M. V., Klushina, N. I. (2021). Kreativny'e vozmozhnosti yazy'ka v internet-kommunikacii = Creative possibilities of language in Internet communication. Lingvokreativnoe prostranstvo internet-kommunikacii (pp. 75–84): collective monograph. Moscow: Flinta. (In Russ)
2. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social sciences, 16(6), 911–920. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.7>.
4. Denisova, G. V., Smirnova, O. V., Sapunova, O. V. (2023). Linguocultural universalities as the determining factor in perceiving memes. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6, 43–49. (In Russ)
5. Denisova, G. V., Gladkova, A. A., Sapunova, O. V. (2024). Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization. Terra Linguistica, 15(2), 123–134. (In Russ)
6. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2024). Grani smeshnogo i yumor bez granicz: semiotika komicheskix tekstov razny'x zhanrov = Facets of the funny and humor without borders: semiotics of comic texts of different genres. Kazan: Buk. (In Russ)
7. Krongauz, M. A. (2012). Memy' v Internete: opyt' dekonstrukcii = Memes on the Internet: the experience of deconstruction. Nauka i zhizn', 11, 127–132. (In Russ)
8. Shifman, L. (2013). Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. Journal of Computer-Mediated Communication, 18, 362–377.
9. Baxtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ)
10. Gurevich, A. Ya. (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury' = Categories of medieval culture. Moscow: Iskusstvo. (In Russ)

11. Denisova, G. V., Sapunova, O. V. (2024). Iskusstvo slova v Moskovskom universitete. K 270-letiyu MGU imeni M. V. Lomonosova = The art of words at Moscow University. On the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University. Moscow: Editorial BOS. (In Russ)
12. Smirnova, O. V. et al. (2021). Exploring visual culture of COVID-19 memes: Russian and Chinese perspectives. Central European journal of communication, 3 (30), 66–93.
13. Tarasova, I. A. (2018). Zhanr v kognitivnoj perspective = Genre from a cognitive perspective. Zhanry` rechi, 2(18), 88–95. (In Russ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапунова Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры словесных искусств факультета искусств

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Денисова Галина Валерьевна

доктор культурологии, кандидат филологических наук

заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств

профессор кафедры семиотики факультета искусств

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sapunova Olga Valerievna

PhD in Philology

Senior Lecturer at the Department of Verbal Arts

Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Denissova Galina Valerievna

Doctor of Culturology, PhD in Philology

Deputy Dean for Research and Development at the Faculty of Arts

Professor at the Department of Semiotics, Faculty of Arts

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.07.2025
25.08.2025
18.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication